

Волнение бронзы

Экспозиция в Третьяковке соединила скульптуры Родена, Голубкиной и Клодель

Дмитрий СМОЛЕВ

Идея составить такое интернациональное трио возникла не сразу. Сначала музейщики планировали персональный показ Анны Голубкиной, у которой нынче 140-летие. Замысел был довольно изощренным: реконструировать персональную выставку вековой давности в Музее изящных искусств на Волхонке. Порадовались оригинальной придумке, но скоро уперлись в невозможность повторить то этапное выступление за отсутствием многих экспонатов. В результате чествование мастера проходит по радикально иному сценарию: возникли работы Огюста Родена, парижского учителя Анны Семеновны, и Камиллы Клодель, которая... Здесь соотношение не так очевидно. Они даже не были знакомы. За год до того, как Голубкина появилась на пороге мастерской Родена, его «возлюбленная ассистентка» с этого порога отправилась восвояси. Но эстетическое родство всех троих налицо. Словом, выставка «Встреча через столетие» предполагает встраивание нашей художницы в международный контекст, чем она, увы, до сих пор не была избалована.

Коли уж голубкинский юбилей оказался причиной всей акции, заметим, что ее работы вполне выдерживают сопоставление с признанными шедеврами Родена и явно превосходят опусы Клодель. Дело не в том, что скульптур Голубкиной здесь больше, чем

супруги, как всю оставшуюся жизнь пыталась выйти из тени Родена, а тот втайне продолжал ей покровительствовать — словом, эта история принадлежит к числу раскрученных литературных сюжетов. Отношения с мастером у Анны Голубкиной были сугубо профессиональными, но по-своему тоже драматичными: она приехала к нему из Петербурга за «приговором». Если бы Роден выразил хоть малейший скепсис в отношении ее способностей, готова была навсегда оставить скульптурную карьеру. Но вышло иначе, и через несколько лет она написала учителю: «Вы не можете себе представить, какова была моя радость, когда вы, лучший из художников, сказали мне то, что я сама уже чувствовала, и дали мне возможность быть свободной».

Несмотря на парижские успехи, Голубкина вернулась в Россию. Здесь были сделаны лучшие вещи, здесь ее ожидала слава — может быть, не того планетарного уровня, которого она заслуживала, зато прочная. Голубкинские работы для выставки взяты из здешних собраний, прежде всего из самой Третьяковки и из персонального музея-мастерской, а вот скульптуры ее коллег в основном привозные. «Прямые поставки» стали возможны благодаря заинтересованности г-на Леонарда Джанадда, администратора Музея Родена в Париже и по совместительству директора художественного фонда в Швейцарии. В итоге в Третьяковке оказались

Анна Голубкина. Марья. 1906 г.

у двух других экспонентов, вместе взятых. Количество в таких ситуациях никогда не спасает, даже наоборот: нередко можно видеть, как легкий неуспех из-за масштабности подачи оборачивается полным провалом. Последнее Голубкиной не грозило ни в каком случае, однако некоторое волнение оставалось: а ну как будет не слишком хороша? Все же первый опыт совместного показа учителя и ученицы, хотя бы и через столетие... Но на выставке окончательно убеждаешься: перед нами как минимум двое суперхудожников мирового класса.

Экспозиционное соседство заставляет вспомнить о параллелях и пересечениях судеб. Биографических материалов хватило бы не на один роман — впрочем, некоторые уже написаны. Например, взаимоотношения Родена и Клодель давно пользуются вниманием беллетристов. История про то, как юная Камилла сделалась для мэтра музой и незаменимой помощницей, как она решительно порвала их отноше-

первоклассные экспонаты, большинство из которых впервые пересекло российскую границу.

Роденовский принцип передачи психологии через мускульное движение выражен крайне убедительно, к тому же некоторые из этих работ окутаны легендами, будь то подготовительные композиции к знаменитым «Вратам ада» или эскиз памятника Бальзаку, из-за которого некогда разгорелся скандал в связи с решением заказчика отказаться от услуг мастера. Творчество Камиллы Клодель представлено скромнее во всех смыслах, но встречаются весьма любопытные вещи — назвать хотя бы внушительных размеров «Зрелый возраст», где за аллегорией Смерти скрывается личная боль от разрыва с возлюбленным гением. Про впечатление от раздела Анны Голубкиной уже сказано. Пожалуй, эксперимент удался, хотя и с самого начала не выглядел авантюрой. Произошла демонстрация величия в камерном формате — случай особенно приятный, поскольку редкий.

Камилла Клодель. Покорность. 1905 г.

Русские и евреи — 2004 — 14 апреля — 2004